

От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?)

Борис Колоницкий

From the First World War to Civil Wars (1917? — 1922?)

*Boris Kolonitskii (European University at Saint Petersburg;
Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*

DOI

Столетия различных событий российской Гражданской войны заставляет вновь вспоминать трагедии той поры. Юбилей становится важным информационным поводом, а это предоставляет историкам особую возможность поделиться результатами своих изысканий с широкой аудиторией.

История гражданских войн в начале XXI в.

После завершения холодной войны многие исследователи, представляющие разные дисциплины, обратились к изучению гражданских войн. В результате были созданы специализированные научные центры¹. Интерес современных учёных к этой теме оправдан: если с 1648 по 1945 г. войны велись преимущественно между государствами, то затем стали количественно преобладать гражданские войны. Эта тенденция усилилась после 1989 г.: лишь 5% войн последних десятилетий были вооружёнными конфликтами первого типа. Гражданские же войны и в начале XXI в. с трудом поддаются учёту. Достаточно упомянуть Афганистан, Ирак, Йемен, Ливию, Сирию, Сомали, Южный Судан. Такой список нельзя назвать полным или точным: множество конфликтов одни исследователи считают гражданскими войнами, другие это отрицают. В целом, в настоящее время нет единого определения гражданской войны. Это проявилось и в описаниях вооружённых конфликтов: одни авторы полагали, что династические, религиозные, антиколониальные войны и крупные этнические конфликты можно считать гражданскими войнами, а другие с этим суждением не соглашались. Да и участники конфликтов в разных ситуациях с различной степенью готовности применяли и применяют данный термин, ибо это влечёт политические, юридические и экономические последствия, которые могут не быть выгодны какой-либо из противоборствующих сторон. По оценке исследователей, в 2015 г. одновременно шло более 40 гражданских войн² (иногда называются другие цифры). Сами же дискуссии об определениях и принципах классификации вооружённых конфликтов свидетельствуют о востребованности их изучения.

© 2019 г. Б.И. Колоницкий

¹ Например, центр по изучению гражданских войн при Институте исследования проблем мира в Осло (URL: <https://www.prio.org/Programmes/Extensions/Centre-for-the-Study-of-Civil-War/About/>).

² *Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. N.Y., 2017. P. 9, 11, 12.*

Гражданские войны воспринимаются ныне как глобальный вызов, являясь источником политической, социальной и экономической дестабилизации в различных регионах³. Подобные конфликты создают условия для международного терроризма, способствуют распространению наркотиков и эпидемий, порождают гуманитарные катастрофы и потоки беженцев. Между тем попытки одних государств влиять на ход гражданских войн в других — приводят лишь к их эскалации.

История российской Гражданской войны, изобилующей многочисленными сложными конфликтами, представляет в такой ситуации интерес не только для отечественных учёных. Глобальные вызовы начала XXI в. ставят и перед исследователями гражданских войн прошлого новые вопросы. В 1920—1930-х гг. некоторые профессиональные военные, выступавшие в роли историков, считали Гражданскую войну исключением из правил, не представлявшей интерес для военного искусства. Такой подход — при всей разнице политических оценок авторов — мог объединять и военных специалистов, служивших в Красной армии, и историков, работавших в эмиграции⁴. Для исследователей же современных «гибридных войн», весьма отличающихся от войн «обычных», Гражданская война приобретает особый интерес, а её изучение имеет очевидное практическое значение.

К тому же мы становимся свидетелями того, что память о гражданских войнах порой оформляет современные политические конфликты, а иногда и провоцирует их. Так, уничтожение памятников конфедератам в различных американских городах в 2017 г. стало проявлением политических противоречий в США⁵. В 2018 г. испанское правительство приняло решение о выносе останков генерала Ф. Франко из мемориального комплекса, созданного ещё во времена его диктатуры для увековечивания памяти о гражданской войне в Испании. Оппозиционные же партии решительно отвергают этот план⁶. Финляндия казалась образцом преодоления прошлого путём тщательной проработки памяти о гражданской войне 1918 г. Исследователи полагали, что в этой стране был достигнут общенациональный консенсус в понимании прошлого⁷. Однако 100-летний юбилей финляндской гражданской войны продемонстрировал, что эта память до сих пор может провоцировать общественные конфликты⁸.

Сложность отношения к гражданским войнам проявляется в научных исследованиях и образовательных программах. Порой даже термин «гражданская

³ Неудивительно, что в прошлом году специальный выпуск известного академического журнала был посвящён современным гражданским войнам: Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 2017 (Fall). Vol. 146. № 4.

⁴ Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980. С. 274—275.

⁵ Для людей, знакомых с политикой памяти в США такое развитие событий не стало большой неожиданностью. Существует обширная литература о войне Севера и Юга. Особенно следует выделить исследование Д. Блайта: *Blight D. Race and Reunion: the Civil War in American memory*. Cambridge (Mass.), 2001. См. также журналистское расследование темы: *Horwitz T. Confederates in the Attic*. N.Y., 1999.

⁶ О гражданской войне в Испании см.: *Augilar P. Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. N.Y.; Oxford, 2002 (испанское издание — 1996 г.).

⁷ *Peltonen U.-M. Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta*. Helsinki, 2003 (книга содержит краткий её реферат на английском языке).

⁸ В 2017 г. острую дискуссию вызвал проект выпуска юбилейной монеты, на которой предполагалось изобразить сцену расстрела белыми участниками финской гражданской войны их противников — красных. В итоге заказ на выпуск монет был отменён (URL: <https://ria.ru/world/20170426/1493179566.html>).

война», отвергавшийся некоторыми участниками конфликта, оспаривался и оспаривается современными учёными, преподавателями, политиками. Например, в некоторых штатах США в школьных учебниках можно встретить термин «война между штатами» при описании гражданской войны между Севером и Югом. В Финляндии же до Второй мировой войны гражданская война официально именовалась войной «освободительной», войной за достижение полной независимости от России: красные, потерпевшие поражение в этом конфликте, считались пророссийской силой. Такая интерпретация рассматриваемого понятия в настоящее время не является единственной и доминирующей (ныне войну официально называют «междоусобной», «внутренней»), но она существует.

В современной России употребление термина «гражданская война» не вызывает острых споров, хотя некоторые исследователи предпочитают говорить о «смуте», «второй смуте» или «красной смуте»⁹. В то же время тема остаётся «горячей», что проявляется не только в общественных дискуссиях по поводу установления и сохранения памятников и памятных исторических знаков деятелям Гражданской войны. С какими-то её военно-политическими силами и по сей день отождествляют себя многие профессиональные исследователи, т.е. история того времени по-прежнему «партийная». В ещё большей степени это относится к энтузиастам, изучающим проблему в свободное от основной работы время. Они порой немало способствуют выявлению интересных фактов, касающихся биографий видных деятелей, истории отдельных войсковых частей, различных территорий. Часть этих авторов связана с военно-историческими клубами, увлечена героикой Гражданской войны¹⁰. Наличие большого числа таких знатоков прошлого, готовых тратить свободное время на изучение «своих» героев, свидетельствует о том, что тема не является «холодной», чисто академической. Нельзя исключать и возможность её политической актуализации. Профессиональные историки должны со своей стороны быть готовы к этой ситуации, чтобы ограничить манипулирование социальными представлениями о прошлом.

«Простые» вопросы

Когда началась российская Гражданская война, в каком году закончилась? Эти вопросы кажутся простыми, школьными, что на самом деле обманчиво — вряд ли по ним, тесно связанным с другими проблемами, в ближайшее время среди профессиональных историков будет достигнут консенсус. Так, вопрос о дате начала войны связан с определением её причин и/или выявлению сил, ответственных за неё. Дискуссии же о времени окончания Гражданской войны переплетаются со спорами о причинах побед и поражений противоборствовавших сторон. Споры о её хронологических рамках отражают разные подходы к выявлению сущности данного явления или/и выражают отношение авторов к разным участникам этого конфликта.

Никакой ответ на подобный «простой» вопрос не будет окончательным, ведь даже в отношении временных рамок «обычных» войн ведутся бесконеч-

⁹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; изд. 2. М., 2010; Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Красная смута: Сборник исторических литературных произведений / Сост. и науч. ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2011.

¹⁰ Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России // Гражданская война на Востоке России: Новые подходы, открытия, находки: Материалы научной конференции в Челябинске, 19—20 апреля 2002 г. М., 2003. С. 13.

ные споры. Дни официального объявления войны и подписания перемирия, даже время капитуляции не всегда точно обозначают конечные даты конфликта. Например, Первая мировая война завершилась официально в ноябре 1918 г., но, как полагали многие современники (в том числе участники российской Гражданской войны), она не прекратилась, а лишь изменила свой характер¹¹. Ещё сложнее говорить о начале и особенно, как справедливо заметил В.П. Булдаков, о завершении Гражданской войны: «Революции и гражданские войны не кончаются тем моментом, когда один из противников оказывается повержен. Последнюю точку в описании революции стоит поставить лишь тогда, когда произойдёт подобие реставрации, под покровом которой стабилизируются взаимоотношения социумов и власти между собой»¹².

Современная историография продолжает испытывать на себе воздействие трудов участников Гражданской войны, в которых исследования переплетались с воспоминаниями (А.И. Деникина и Л.Д. Троцкого, например, сейчас цитируют, пожалуй, чаще, чем работы современных историков). Велико и влияние советской историографической традиции, в некоторых случаях это откровенно признаётся, иногда же такое влияние является имплицитным, не отрефлексированным; меняется знак оценки, но структура повествования нередко остаётся той же. Неудивительно, что некоторые авторы и в настоящее время связывают начало Гражданской войны в первую очередь с иностранной интервенцией, считая позицию большинства советских историков более обоснованной, чем суждения исследователей, пытающихся её опровергнуть¹³.

Историография советского периода опиралась — достаточно селективно — на большевистские программные, аналитические и пропагандистские тексты эпохи Гражданской войны. При всём различии взглядов (к тому же менявшихся со временем) внутри самой большевистской партии относительно войны всё же несколько идей оставались постоянными. Большевики, а вслед за ними и советские историки, опирались на марксистскую теорию, которая рассматривала Гражданскую войну в качестве высшей формы классовой борьбы. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мы прослеживаем более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает своё господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹⁴. В такой марксистской интерпретации Гражданская война «нормализовалась», став повседневным явлением общества неравенства.

В.И. Ленин тоже подчёркивал: «Гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»¹⁵. Осенью 1917 г. Ленин с презрением писал о своих политических противниках, боявшихся такой войны. По мнению лидера боль-

¹¹ П.Б. Струве, например, осенью 1919 г. писал о продолжении мировой войны, её трансформации (Kotkin S. Stalin. Vol. 1. N.Y., 2014. P. 289).

¹² Булдаков В.П. Красная смута... С. 257.

¹³ См.: Калашников В.В. Иностранная интервенция как фактор гражданской войны в России // Межвузовская научная конференция «Гражданская война в России: Проблемы истории и историографии», 29 ноября 2013 г. Сборник докладов. СПб., 2014. С. 43—56.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1955. С. 435.

¹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 215.

шевиков, «революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны»¹⁶. Такой взгляд, разделяемый многими сторонниками Ленина, позволял им культурно, психологически, интеллектуально, политически готовиться к Гражданской войне: они ощущали себя её участниками уже после свержения монархии. Вместе с тем сознание такого рода становилось и важным фактором, подталкивавшим страну к гражданскому противостоянию¹⁷.

Впрочем, П.Б. Струве в 1918 г. также признавал, что «внешняя война объединяет людей, принадлежащих к одному и тому же народу; гражданская война, являющаяся лишь обострённым выражением классовой борьбы, их разъединяет. Внешняя война ограничена во времени, она должна так или иначе иметь окончание; гражданская война в той или иной форме мыслится как нечто постоянное или, по крайней мере, длительное»¹⁸.

Как классовый конфликт оценивали Гражданскую войну и многие умеренные социалисты. Автор главной газеты партии социалистов-революционеров, самой крупной политической партии того времени, писал в начале сентября 1917 г.: «Временное правительство, как и всякое другое правительство, есть равнодействующая общественных сил государства, есть результат борьбы классов. Но эта борьба происходит на революционной арене, т.е. между классами, переживающими каждый огромные, почти вулканические перевороты в своём социально-политическом мирозерцании, слагающимися в самом процессе борьбы и разрешающими, точнее, склонными разрешить свои конфликты гражданской войною, с оружием в руках»¹⁹.

Такое понимание Гражданской войны объединяло и большевиков, и некоторых их противников, что накладывало серьёзный отпечаток на ход конфликтов той поры. «Язык класса» в то время использовался для описания национальных проектов, этнических и даже религиозных конфликтов (показательно использование ярлыков «церковная буржуазия» и «церковный пролетариат»), борьбы за власть между представителями разных поколений и сословий. Далеко не всегда классовый подход способствовал выработке успешных — с точки зрения самих большевиков — политических решений. Но в условиях широкого распространения «антибуржуйских» настроений (чему способствовали не только большевики) и культурной гегемонии социалистов описание и классификация общественных групп с помощью «языка класса» способствовали конструированию новой социальной реальности²⁰.

Гражданская война также мыслилась большевиками не только как социальное противостояние на территории одного государства, но и как глобальный классовый конфликт. Мировую революцию Ленин рассматривал в качестве средства преодоления мировой войны, которую следовало превратить в гражданскую, в комплекс войн такого рода, охватывавших все воевавшие государства. Соответственно, провоцирование революций и гражданских войн в

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ В этой связи стоит отметить, что граница между революцией и гражданской войной нередко действительно является зыбкой. Например, современники и некоторые историки описывали Английскую революцию XVII в. и Американскую революцию XVIII в. как гражданские войны.

¹⁸ *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 247.

¹⁹ Дело народа (Петроград). 1917. 6 сентября.

²⁰ См.: *Колоницкий Б.* Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6(116). С. 72—87.

других странах, в том числе и с помощью «революционных войн», рассматривалась как важнейшая задача большевистского руководства.

Другим проявлением глобального характера гражданского противостояния в России была интервенция, осуществлённая различными государствами. Вопрос о времени её начала тоже является дискуссионным. Следует отметить, что редкие революции и гражданские войны обходятся без интервенций разного рода. Вопрос об их взаимосвязи, о праве государств на интервенцию рассматривался политическими философами, юристами и историками по крайней мере с XVIII в.²¹ Но не только теоретические работы по истории революций и гражданских войн прошлого, но и очевидные реалии Первой мировой позволяли политикам с уверенностью предвидеть, что в ходе революции иностранная интервенция в той или иной форме будет неизбежна (великие державы немало сделали для «революционизирования» своих противников).

И враги большевиков с самого начала Гражданской войны говорили об иностранной интервенции, имея в виду Германию и её союзников, нередко называя их «германо-большевистскими силами». Разумеется, такая формулировка несла и пропагандистскую нагрузку, однако, похоже, некоторые белые политики и военные искренне верили, что поражение Германии в Первой мировой войне автоматически приведёт к краху большевиков, и очень удивились, когда этого не произошло.

И для большевиков политически выгодным было подчёркивать значение иностранной интервенции в развязывании Гражданской войны — это позволяло им порой использовать в своих целях и ресурс патриотической мобилизации. Именно такие темы, содержащиеся в разнообразных большевистских текстах 1918—1922 гг., особенно активно использовались впоследствии советской историографией, в то время как экспорту революции как фактору Гражданской войны со временем стали уделять меньше внимания. По этому поводу учёные и пропагандисты охотно цитировали Ленина: «Всемирный империализм... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в её затягивании»²². При таком подходе уже не заострялось внимание на приводившихся выше высказываниях лидера большевиков о взаимосвязи классовой борьбы, революции, Гражданской войны и мировой революции.

В «Кратком курсе» ВКП(б), влияние которого испытывали и испытывают сейчас многие авторы, утверждалось, что Гражданская война началась в результате объединённых действий «иностраных империалистов Антанты» и «контрреволюции внутри России»: «Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причём войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались эти “цивилизованные” разбойники и высадили свои войска на территории России»²³. Гражданское противостояние в такой интерпретации стало прежде всего следствием интервенции, в этой версии истории оно являлось народной патриотической войной против внешнего врага, «против иностранной интервенции и её белогвардейских прислужников»²⁴. Подобный

²¹ Особое значение имел труд Эмера де Ваттеля (1758), повлиявший, например, на лидеров Американской революции. См.: *Ваттель Э. де*. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.

²² Ленин В.И. ПСС. Т. 39. М., 1970. С. 343.

²³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1946. С. 217, 218.

²⁴ Там же. С. 224.

подход влиял и на определение хронологических рамок конфликта: «Провалом польских великодержавных планов и разгромом Врангеля заканчивается период интервенции»²⁵.

В последующие десятилетия существования СССР советские исследователи смягчили жёсткие и прямолинейные оценки «Краткого курса...», но многие важные конструкции исторического повествования сохранились. Показателен заголовок соответствующей статьи в «Советской исторической энциклопедии»: «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР, 1918—1920». Именно интервенции и во время «оттепели» уделялось первенствующее значение²⁶.

И не только советские историки считали, что Гражданская война закончилась в 1920 г. «Простой» вопрос о её хронологических рамках был связан с общей концепцией этого конфликта. Его важнейшим элементом являлась «империалистическая интервенция», поэтому Советско-польская война, другие конфликты Советской России с различными государствами, пользовавшимися поддержкой Антанты, стали описываться как часть единой Гражданской войны.

Гражданская война или гражданские войны?

Повод вновь задать «простые» вопросы по теме даёт книга британского исследователя Дж.Д. Смита: «“Российские” гражданские войны, 1916—1926: Десять лет, которые потрясли мир»²⁷. Почему автор избрал такие даты и пишет не об одной войне, а о войнах? Отчего слово «российские» заключено в кавычки?

Провокационное название вызывает сильное желание немедленно возразить автору, начать спорить с ним, даже не ознакомившись с содержанием книги. Между тем профессор Смит вовсе не имеет репутацию историка, который намеренно дразнит коллег, чтобы насладиться самим эффектом интеллектуальной провокации. Смит известен как автор обстоятельного исследования по истории Сибири в годы Гражданской войны²⁸. Немалую ценность представляют также подготовленные им по названной теме библио- и биографические издания²⁹. В последней его книге мало общих рассуждений (о чём можно сожалеть), а много фактов, причём автор опирается и на собственные изыскания, основанные на работе с источниками, и на множество исследований своих коллег.

В книге Смита есть отдельные неточности, несогласия вызывают и некоторые его промежуточные выводы, не все умозаключения автора в равной степени убедительны, а отказ от определения ряда важных для повествования понятий является серьёзным недостатком издания. Однако дать подробный

²⁵ Там же. С. 232. В некоторых более ранних советских работах война с Польшей рассматривалась как особый конфликт, который не включали в Гражданскую войну.

²⁶ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. Стб. 45—95. О корректировке описания Гражданской войны в советской историографии свидетельствует заголовки других справочников: Гражданская война и военная интервенция в России, 1918—1920 // Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. Стб. 7—22; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

²⁷ Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2016.

²⁸ Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge; N.Y., 1997.

²⁹ The Russian Revolution and Civil War, 1917—1921: An Annotated Bibliography / Comp., ed. and annot. J.D. Smele. L., N.Y., 2003; Historical Dictionary of the «Russian» Civil Wars, 1916—1926 / Comp. J.D. Smele. Vol. 1—2. Lanham (Maryland), 2015.

разбор книги Смилы³⁰, уделив внимание частным критическим замечаниям, не позволяет объём данной статьи, поэтому в ней будут рассмотрены лишь некоторые идеи автора.

Название труда Смилы перекликается с наименованием известной книги Дж. Рида, и в этом проявляется позиция автора: по его мнению, именно длительная Гражданская война в большей степени, чем собственно события Октября 1917 г., повлияла на ход мировой истории.

Смил предпочёл рассуждать не о «начале», а о «началах» гражданских войн, не о её одновременном «окончании», а об «окончаниях», которые не всегда были следствием побед красных. Речь идёт о переплетении войн разного типа, с разнообразным набором участников, имевших разную логику развития, различную периодизацию. Это переводит дискуссию о хронологических рамках и сущности Гражданской войны в иную плоскость.

Смил указал, что термин «гражданские войны» использовали применительно к России и другие англоязычные авторы³¹. Для российской историографии идея нескольких гражданских войн, происходивших одновременно, также не нова. Т.В. Осипова, например, писала о «двух фронтах» Гражданской войны: «Крестьянство вместе с рабочим классом боролось против реставрации власти помещиков и буржуазию. В то же время, шла борьба Советского государства с крестьянством, его колебаниями, непониманием им социалистических задач. Одновременно это была и борьба с государством крестьянства, ни на одном этапе не принявшем навязываемую ему коммунистическую доктрину и насильственные методы её осуществления»³². И другие авторы писали об особой гражданской войне, которую вело крестьянство³³. В некоторых отношениях такой подход продолжает и традицию описания российской Гражданской войны как классового, социального конфликта.

О происходивших одновременно разных гражданских войнах напоминали и другие исследователи, хотя они уделяли больше внимания не борьбе социальных сил, а конфликтам политических проектов, сопровождавшихся вооружённой борьбой. Л.Г. Прайсман, к примеру, утверждал, что переворот Колчака в ноябре 1918 г. спровоцировал гражданскую войну в антибольшевистском лагере, что способствовало в конце концов победе большевиков³⁴. Взгляды этого автора на возможности «третьей силы» играть самостоятельную роль в граж-

³⁰ См. рецензии на книгу Дж.Д. Смилы: *Голдин В.И.* Новейшие зарубежные исследования о войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 128—133 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/noveyshie-zarubezhnye-issledovaniya-o-grazhdanskoy-voynе-nachala-hh-veka-v-rossii>); *Голдин В.И.* Дж.Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916—1926 // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165—169, а также рецензии И. Саблина, Э. Кронера, Н. Ковалёва, А. Шмелёва, Э. Лора, А. Ретиша, Ф. Кинга, Ф. Шнелля (Ab Imperio. 2017. № 1. P. 402—406; Revolutionary Russia. 2017. Vol. 30. № 1. P. 142—145; Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. Issue 3. P. 533—535; Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 713—714; Journal of Military History; Slavic review. 2017. Vol. 76. № 4. P. 1123—1124); American Historical Review. 2017. Vol. 122. Issue 3. P. 955; European History Quarterly. 2017. Vol. 47, Issue 1. P. 184—185; URL: <https://www.hsozkult.de/searching/id/rezbuecher-23739?title=j-smele-russian-civil-wars-1916-1926&q=Smele%20Jonathan&sort=&fq=&total=17&recno=4&subType=reb>).

³¹ См.: The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / Ed. V.N. Brovkin. New Haven, 1997.

³² *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 343.

³³ См., например: *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М., 2001.

³⁴ *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне: Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 471.

данском противостоянии в России были подвергнуты критике³⁵. Однако вряд ли можно спорить о том, что действия сторонников «третьего пути» влияли на ход многочисленных конфликтов Гражданской войны.

В.И. Голдин указал, что на пространстве бывшей Российской империи в 1918 г. «вызревал, а затем получил развитие комплекс войн и противоборств, которые в дальнейшем разрастались, создавая во многом уникальный феномен российской Гражданской войны». Исследователь выделил противостояние большевиков и антибольшевистских режимов (красных и белых), войны государственных образований и «общества», противоборство центробежных и центростремительных сил, серию национальных войн, вооружённую интервенцию, военные действия, способствовавшие распространению мировой революции, повстанческое, главным образом крестьянское движение. Автор определил несколько типов «противоборств», отметив, что «подход к осмыслению происходившего как серии региональных войн представляется плодотворным»³⁶. Такой взгляд близок к идеям Смила, акцентировавшего внимание на особенностях Гражданской войны в российских регионах.

«Круглый стол», организованный в 2018 г. редакцией «Петербургского исторического журнала», также был посвящён Гражданской войне и гражданским войнам в различных краях бывшей империи. На замысел этого проекта, естественно, повлияла книга Смила³⁷.

Одним из важных «начал» гражданских войн британский исследователь считал восстание в Средней Азии и Казахстане в 1916 г., вызванное мобилизацией местного мусульманского населения на тыловые работы. Он не настаивал на такой датировке начала «большой» гражданской войны, хотя и показывал, опираясь на исследования историков, что трагедия того года в дальнейшем во многом определила расстановку сил в регионе. Восстание сопровождалось этническими конфликтами, в ходе которых погибли тысячи русских крестьян и казаков, женщин и детей. При подавлении же восстания (в нём наряду с регулярными войсками участвовали дружины русских поселенцев) погибли тысячи киргизов и казахов, сотни тысяч вынуждены были бежать в Китай, а точное число жертв вряд ли можно установить. После падения монархии в 1917 г. новые конфликты в Средней Азии оказались неизбежны, хотя линии противоборства и их идеологическое оформление могли бы быть иными, но масштабное силовое противостояние в регионе наверняка произошло бы, даже если бы «большой» гражданской войны в центре империи удалось избежать. Амнистия Временного правительства позволила беглецам вернуться на свои земли, между тем их имущество уже имело других владельцев, которые не желали выпускать его из рук. Русские крестьяне и казаки были вооружены и имели опыт боевого взаимодействия с солдатами местных гарнизонов. Демократические же выборы в местные органы власти, проведённые в результате Февральской революции на основе всеобщего избирательного права, давали большинство представителям местного мусульманского населения, а некоторые бывшие повстанцы стали руководителями милиции. Всё это беспокоило меньшинство — европей-

³⁵ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 219—250.

³⁶ Голдин В.И. 1917 год и гражданская война в России: Осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвящённый 70-летию доктора исторических наук профессора В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 255—257.

³⁷ Тарасов К.А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3(19). С. 167—170.

ских жителей края. Гражданская война здесь, по мнению Смила, стала самой затяжной из российских гражданских войн и отличалась от противостояния в других регионах страны.

Первая серьёзная попытка бросить вызов власти Временного правительства в Ташкенте была ещё в сентябре. Недостаток продовольствия существенно обострил политические, социальные и этнические противоречия, власть захватил комитет, который представлял активистов местного гарнизона и русских рабочих. Войска, посланные в край, смогли восстановить власть правительства, однако у них не было достаточно сил, чтобы разоружить солдат гарнизона — опору местных радикализировавшихся Советов и комитетов. Впоследствии установление власти Советов в Туркестане осуществлялось без «твёрдого большевистского руководства»: большевистская организация в Ташкенте была создана лишь в 1918 г., и в её состав вошли радикально настроенные активисты разного толка, ранее выступавшие против Временного правительства. На первом этапе власть принадлежала русским социалистам. Лозунг «Вся власть Советам» в Туркестане фактически означал полновластие русских Советов, а лозунг «Земля крестьянам» воспринимался как требование именно русских крестьян. Неудивительно, что хорошо информированный участник событий видный большевик Г.И. Сафаров именовал Гражданскую войну в Туркестане «колониальной революцией»³⁸. Данную работу ныне нередко вспоминают современные исследователи. Однако это определение нельзя принять целиком: друг с другом боролись и разные группы «колонизаторов» и «туземцев». После того как белые овладели Оренбургом, красный Туркестан оказался отрезан от территории, контролировавшейся большевистской Москвой. Однако местные радикальные социалисты смогли сохранить власть, сочетая необычайно жестокое подавление противника с политическим лавированием. Вчерашние враги нередко становились новыми союзниками (часто временными), а бывшие друзья превращались в опасных врагов. Противниками красного Ташкента в этой ситуации были не только белые, но и местные повстанцы из числа мусульман (в особенности после жестокого подавления Кокандской автономии), и казаки, а с какого-то времени и русские крестьяне, выступавшие против реквизиций продовольствия большевиками³⁹.

Последнюю главу книги Смил посвятил «окончаниям» гражданских войн. Она охватывает период 1921—1926 гг. В этом отношении автор расходится с большинством историков, хотя и у других исследователей нет единства в определении времени завершения Гражданской войны: одни называют ноябрь 1920 г., другие — март 1921 г., третьи — октябрь 1922 г., когда белые и интервенты покинули Владивосток. Такие же события, как бои в Якутии в 1923 г. и восстание в Грузии в 1924 г., чаще всего связывают уже с «мирным» периодом в истории СССР.

Смил полагал, что противопоставление Гражданской войны и «мирного» нэпа не вполне корректно: после 1921 г. Ленин и другие члены большевистского руководства продолжали ощущать себя вовлечёнными в различные войны. Во всяком случае, считал автор, эта война продолжалась и после решений

³⁸ Сафаров Г.И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М., 1921.

³⁹ О гражданской войне в Средней Азии см., например: Буттино М. «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. См. также: Buttino M. Central Asia (1916—20) // The Empire and Nationalism at War / Ed. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington (Indiana), 2014. P. 109—135.

Х партийного съезда большевиков⁴⁰. К тому же для коммунистов концепция Гражданской войны (гражданских войн) тесно переплеталась с идеей мировой революции. Вплоть до 1924 г. возможность революций в европейских странах представлялась реальной не только коммунистам. Смил предложил 1926 г. в качестве важной даты окончания одной из гражданских войн на территории бывшей империи: Туркестанский фронт, последний фронт Гражданской войны, тогда был преобразован в Среднеазиатский военный округ. Это не означало, что боевые действия в этом регионе завершились, они переходили в иное качество⁴¹. Таким образом, война здесь, с точки зрения британского историка, являлась самой продолжительной из гражданских войн на пространстве бывшей Российской империи.

Смил уделил гораздо больше внимания фактам, чем общим рассуждениям, но структура его книги и выбор сюжетов позволяют описать концепцию автора. Большую гражданскую войну он видит как комплекс различных войн: гражданские войны, этнические и социальные конфликты, войны за независимость и др. Гражданские войны историк не сводит к противостоянию красных и белых, или красных, белых и «зелёных», или красных, белых и сторонников «третьего пути». По его мнению, войны представляют собой множество конфликтов, протекавших не только на территории бывшей империи, но и за её пределами — в Чехословакии, Румынии, Турции, Персии, Китае (Синьцзян), Монголии, Маньчжурии. Гражданскую войну в Финляндии, разнообразные конфликты, в которых участвовала получившая независимость Польша (бои с украинцами, литовцами, немцами, чехами) также, считает автор, нельзя представить без воздействия российских гражданских войн. Кроме того, Смил назвал армяно-азербайджанскую, грузино-армянскую войны, грузино-осетинский конфликт и др.⁴² По словам исследователя, нередко этнические, религиозные, сословные, региональные конфликты вписывались в противостояние белых, красных и социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы». Последняя в разных случаях приобретала различный характер: противоборствовавшие стороны в регионах искали сильных союзников, описывая свои цели с помощью их риторики и символики. Идеология основных сил, претендовавших на контроль над большей частью бывшей империи, с большей или меньшей степенью искренности и умелости часто использовалась провинциальными политиками и местными полевыми командирами, которые, впрочем, могли менять свои позиции.

Это указывает ещё на одну особенность подхода Смила: ему было важно имперское измерение конфликта. Он описал переплетавшиеся войны на всём постимперском пространстве, точнее, даже на пространствах нескольких империй, и, как видим, рассматривая процессы Гражданской войны, преодолел рубеж 1917 г.

Не все исследователи согласятся с тем, что перечисленные британским историком вооружённые конфликты можно назвать гражданскими войнами. Но, во-первых, общепризнанное определение гражданской войны отсутствует. Во-вторых, некоторые конфликты такого рода могут быть названы гражданскими войнами, даже если будут использованы весьма узкие определения этого термина, другие — содержать иные характеристики. Например, В.Ф. Солдатенко отметил, что «гражданская война в Украине являлась неотъемлемой частью

⁴⁰ *Smele J.D.* The «Russian» Civil Wars... P. 8, 212.

⁴¹ *Ibid.* P. 234.

⁴² *Ibid.* P. 36.

общероссийских процессов»⁴³. Исследователь написал об особой гражданской войне (которую нельзя описать лишь как комплекс «украинско-большевистских» войн) и связал её с другими конфликтами на постимперском пространстве. Так же можно описать и ситуацию в некоторых других регионах, где борьба шла не только между белыми и красными. И, в-третьих, этнические, религиозные, сословные конфликты в рассматриваемый период переплетались с собственно гражданскими войнами, оказывая на них воздействие и испытывая их влияние.

Историографический контекст

Смил написал книгу в особой историографической ситуации и под влиянием некоторых известных исследований. Многие рецензенты его труда с полным основанием вспоминали работу П. Холквиста, посвящённую Области Войска Донского. Её автор также расширил традиционные хронологические рамки описания Гражданской войны⁴⁴. Он поместил случай Дона в общероссийский контекст, описание ситуации в регионе позволило историку с этой перспективы посмотреть на процессы, развивавшиеся в масштабах всей страны. Вместе с тем в книге Холквиста присутствует и ещё один уровень контекстуализации: события, происходившие в России во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, исследователь сравнил с аналогичными явлениям в других воевавших странах, уделив особое внимание империям. Холквист писал о «континиуме кризиса». По его мнению, практики эпохи Первой мировой войны (вмешательство государства в экономику, контроль над населением, депортации, широкое использование насилия в борьбе с «внутренним врагом») применялись в разных странах; некоторые из них были отработаны во время колониальных войн. В воевавших государствах наблюдалось появление особых механизмов власти, в которых переплетались государственные структуры и бравшее на себя выполнение общегосударственных задач гражданское общество. Они применялись и различными силами, участвовавшими в российской Гражданской войне, отличаясь, впрочем, масштабами, уровнем организации. Если в других странах после окончания Первой мировой войны правительства отказались от «чрезвычайных» мобилизационных мер, то новое государство (созданное красными во время Гражданской войны и ради победы в ней) их сохраняло и в мирное время.

Другие историки склонны всё же отличать «модерные» и «рациональные» практики Первой мировой войны от революции, которой были присущи архаизация общества и возникавшие в нём конфликты. Этой точки зрения придерживается В.П. Булдаков. Впрочем, он также уделил большое внимание имперскому измерению революции, Гражданской войны и этническим конфликтам той поры⁴⁵.

На подход Смил оказала воздействие и монография М.А. Рейнольдса⁴⁶, посвящённая исследованию различных аспектов отношений Российской и Османской империй в 1908—1918 гг. Многие историки считали национальные движения, основанные на разных формах национализма, главной причиной

⁴³ Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине, 1917—1920 гг. М., 2012. С. 574.

⁴⁴ Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge (Mass.), 2002.

⁴⁵ Булдаков В.П. Красная смута...

⁴⁶ Reynolds M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918. Cambridge, 2011.

кризиса и распада империй. Рейнольдс же рассмотрел проблему иначе: геополитическое противостояние империй способствовало развитию национализма, они же самоуничтожались, ожесточённо ведя войну друг с другом до полной победы.

По-своему он говорил о континиуме кризиса, считая его поворотной точкой младотурецкую революцию 1908 г. Если отечественные историки часто писали о том, что война породила революцию⁴⁷, то согласно избранной Рейнольдсом исследовательской перспективе, имперская революция породила комплекс войн. Так, следствием революции в Турции стали Итало-турецкая, а затем и Балканские войны. Эти конфликты создали новую, весьма нестабильную геополитическую ситуацию, в которой началась Первая мировая война. Её некоторые современники первоначально ошибочно называли Третьей Балканской войной. Рейнольдс показал, как Российская и Османская империи, руководствуясь, казалось бы, интересами собственной безопасности, дестабилизировали друг друга и способствовали распространению анархии в регионе с полиэтничным населением, который уже испытывал воздействие Персидской революции. И Россия, и Турция пытались использовать в своих интересах противоречия между армянами и курдами, поддерживая то одну, то другую сторону. Представителей монархий не останавливало то, что они среди прочих извлекали пользу из революционных организаций в приграничных странах (включая и Персию). Стремление «революционизировать» противника, спровоцировать внутренние конфликты на его территории, приняло гораздо больший масштаб в 1914—1918 гг. И конфликты, и рассчитывавшие на их использование политические проекты проявились во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России.

В книге Смила отражены и иные тенденции развития современной историографии. Так, многие историки предлагали смотреть на большие проблемы Гражданской войны, тщательно изучая особую расстановку политических сил и динамику развития военно-политических конфликтов в отдельных регионах. Благодаря усилиям многих исследователей мы сейчас представляем, насколько разнообразной была ситуация на постимперском пространстве, поэтому составители известного сборника статей⁴⁸ имели бы все основания говорить о своеобразном «калейдоскопе» революций.

Обсуждение намеренно дискуссионной книги Смила уместно ещё и потому, что разные специалисты по истории российской Гражданской войны ощущают себя на «перепутье». Логика их исследований и сложившаяся историографическая ситуация требуют некоторого методологическо-тематического разворота. «Вполне очевидно, — отмечает Р.Г. Гагкуев, — что степень изучения проблематики Белого движения (и шире — всех антибольшевистских сил) усилиями многих историков и энтузиастов изучения Белого дела в существенной мере подтянулись к уровню, достигнутому советской историографией в изучении Красной армии и становления Советского государства в годы Гражданской

⁴⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914—1917 гг. М., 2015.

⁴⁸ См.: Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—1922. B. 1 / Ed. S. Badcock, L.G. Novikova, A.B. Retish. Bloomington (Indiana), 2015. Некоторые рецензенты упрекали Смила за недостаток внимания к «новой имперской истории». См.: *Sablin I. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: Ten Years That Shook the World* by Jonathan D. Smele (review) // *Ab Imperio*. Vol. 2017. № 1. P. 402—406. Однако интерес исследователей, работающих в рамках такого подхода, к книге Смила показателен, в некоторых отношениях их позиции близки.

войны». Далее автор поддержал мнение исследователя С.В. Карпенко, который считал необходимым перейти к сравнительному изучению красных и белых в ходе «второй русской смуты» на конкретной, ограниченной территории, соблюдая «единство места и времени действия»⁴⁹.

Можно согласиться с тем, что серьёзные локальные исследования, затрагивающие более широкие проблемы и рассматривающие всех участников конфликта, могут способствовать изучению общей истории Гражданской войны. Однако вряд ли удастся ограничиться в такой ситуации лишь оппозицией красных и белых. Да и сам Карпенко, проанализировав различные аспекты политики белых на Юге (прежде всего экономическую и финансовую политику), указал и на других участников конфликта, не ограничиваясь описанием борьбы белых с красными⁵⁰.

Специалисты по другим сюжетам также считали нужным описывать участников многих конфликтов. Например, исследователь истории российского офицерского корпуса А.В. Ганин проанализировал командный состав различных армий (Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Азербайджана, Армении, Грузии) и формирований (белых, красных, украинцев)⁵¹.

Однако для успешного ведения войны нужны были не только офицеры. Организация аппарата новых государств и экономики, адекватной задачам конфликтов такого масштаба, требовала привлечения квалифицированных специалистов. В своё время М.П. Ирошников убедительно показал, основываясь на материалах переписи советских служащих 1918 г., что в центральном государственном аппарате РСФСР служило немало бывших чиновников, причём больше всего их было среди руководителей среднего звена⁵².

В этой связи следует отметить, что наличие критического минимума специалистов разного рода становилось необычайно важным для реализации некоторых государственных проектов. Национальные активисты — преподаватели и земские деятели, кооператоры и музыканты — могли мобилизовать массы политически, действуя порой довольно успешно, но для создания национальных государств требовались опытные дипломаты, чиновники, управленцы. Сравнительное изучение политических кадров, работавших в бывших губернских центрах Российской империи, приобретавших статус новых столиц, временных или постоянных, представляет для историков немалый интерес⁵³.

Во время Гражданской войны нужны были и специалисты, способные поднимать восстания и организовывать партизанское движение, комбинируя военные и политические действия. В этом отношении большое значение имеют работы исследователей, изучающих «народных вожakov» российской «смуты». Достаточно упомянуть интересные сборники статей, вышедшие под редакцией А.В. Посадского. Их авторы охарактеризовали разнообразных «полевых командиров» Гражданской войны, которые иногда пытались действовать самостоятельно, либо вступали в союзы с её основными участниками, нередко меняя ту или иную сторону. В свою очередь, считал Посадский, способность военного

⁴⁹ Гагкуев Р.Г. Современная историография Белого движения // Межвузовская научная конференция «Гражданская война в России: Проблемы истории...». С. 41—42.

⁵⁰ См.: Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.

⁵¹ Ганин А.В. Семь «почему»... С. 9—152.

⁵² См.: Ирошников М.П. Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974.

⁵³ О некоторых новых и временных столицах на территории империи см.: Города империи в годы Великой войны и революции. СПб., 2017.

и политического руководства вступать в союз с «народными вожаками, противопоставлять их друг другу или даже интегрировать их в собственные вооружённые формирования существенно влияла на исход важнейших кампаний гражданской войны»⁵⁴.

Полевые командиры были живыми носителями духа «партизанщины» и «атаманщины», явлений, осуждавшихся руководителями противостоявших друг другу крупных регулярных армий Гражданской войны. Эти нередко воспроизводившиеся историками негативные оценки справедливы, но они не всегда передают её специфику. Начало гражданского противостояния невозможно представить без партизанских отрядов — впоследствии часто на их основе создавались весьма боеспособные регулярные соединения. К тому же тактику партизанской борьбы противоборствовавшие стороны использовали на всём протяжении войны, что неизбежно способствовало сохранению элементов «партизанщины» и «атаманщины». И именно командиров, имевших собственный опыт такой борьбы, в основном привлекали для борьбы с партизанской деятельностью противников.

Сопоставление судеб многих «народных вожakov» позволило исследователям указать на схожесть их жизненных траекторий. Нельзя не заметить, что в большинстве своём полевые командиры имели опыт участия в Первой мировой войне в качестве унтер-офицеров и младших офицеров (среди последних преобладали прежде всего прапорщики). Эти военные специалисты волостного и уездного масштабов, опираясь на свой авторитет участников боевых действий, становились руководителями формирований, контролировавших определённые территории.

Немало полевых командиров создавали свои отряды в тех районах страны, где конфликты политические и социальные переплетались с этническими и сословными, которые порой этнизировались (например, противостояние казаков и иногородних крестьян). Многих «народных вожakov» объединяло и то, что они являлись активистами всевозможных Советов и общественных организаций, в обилии появившихся в стране после падения монархии. Так, немало будущих полевых командиров в 1917 г. были членами войсковых комитетов действующей армии, порой возглавляли их, становясь представителями «комитетского класса»⁵⁵. Опыт военный, революционно-политический и пребывания во власти становился важным источником их авторитета в тех местах, где они формировали свои отряды. Без этого «комитетского класса», противостоявшего старой элите, нельзя представить Гражданскую войну, которая в этом отношении, бесспорно, была классовым конфликтом.

⁵⁴ От «германской» к Гражданской: Становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. М., 2014. См. также: Крестьянский фронт, 1918—1922 гг. Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры (Сборник статей и материалов) / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. Общие выводы на основе этих публикаций см.: *Посадский А.В.* Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций, 1914—1922 (Материалы международного colloquium, 9—11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 175—184.

⁵⁵ В своё время А. Уайльдман использовал термин «комитетский класс» для характеристики сообщества членов военных комитетов, прежде всего комитетчиков действующей армии (см.: *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2. Princeton, 1987). Роль представителей «комитетского класса» в формировании Красной армии и советского аппарата необычайно велика. Но немало бывших комитетчиков активно участвовали в борьбе с большевиками. Некоторыеистики Гражданской войны также были в 1917 г. членами войсковых комитетов, а порой и возглавляли их.

Множественность гражданских войн? Возможности исследовательского подхода

Ошибочно полагать, что столь сложное явление, как российская Гражданская война, можно понять с помощью какого-либо одного подхода. Ни один исследовательский ключ не может быть универсальной методологической отмычкой. Предшествующая историография продемонстрировала, что историки разнообразных школ и различных взглядов, порой решительно противостоявшие друг другу, внесли особый вклад в исследование Гражданской войны, используя множество приёмов и методов, выбирая разные объекты описания. Большинство давно используемых подходов сохраняют своё значение при изучении одних тем, но совершенно не применимы при решении иных исследовательских задач. Можно предположить, что в ближайшее время будут существовать разные подходы к изучению Гражданской войны, и наивно было бы полагать, что какой-то из них станет единственно верным. В этой ситуации неизбежного методологического «многоголосия» полезно было бы выработать некоторые правила академического диалога. И эта потребность подталкивает исследователей к тому, чтобы вновь задуматься о своеобразии описания Гражданской войны — о языках источника и исследования.

Применение использовавшихся ещё участниками событий политических понятий в качестве современных исследовательских инструментов создаёт для учёных немало проблем. Употребление одних и тех же терминов («гражданская война», «революция», «интервенция») создавало и создаёт лишь иллюзию взаимного понимания, поскольку разные авторы толковали и толкуют их по-своему. На данном этапе развития историографии было бы полезно, чтобы каждый автор описал собственный исследовательский инструментарий, давая своё рабочее определение этих понятий, или указывая, какое имеющееся определение он использует. Это позволило бы и точнее судить о ценности выводов автора, которые он делает в рамках им же очерченного подхода, и плодотворнее вести дискуссию о терминах и их соответствии эмпирическому материалу.

Впрочем, некоторые исследователи полагают, что грандиозную «смуту» вообще невозможно понять, используя рациональные категории анализа для описания «хаоса». Например, по мнению Булдакова, для осмысления эскалации насилия следует изучать патологические проявления общественного сознания⁵⁶. Вряд ли и этот подход может стать универсальным методологическим приёмом, пригодным для понимания всех конфликтов того времени. Тем не менее он указывает на важное направление исследования: изучение политического языка эпохи Гражданской войны, культурных форм насилия, его проговаривания, легитимации и даже сакрализации. К тому же исследование языка позволит понять происхождение терминов, употребляемых историками и сейчас в качестве своих аналитических инструментов. В частности, какие понятия употребляли участники событий для описания военно-политических конфликтов той поры; как и когда применялся термин «гражданская война»; какие другие понятия («смута», «братоубийственная война», «революционная война», «война за освобождение», «национальная война», «священная война» и др.) использовались для описания конфликтов; какие смыслы в эти слова вкладывали современники; когда эти понятия вошли в употребление и когда их перестали использовать? Последний вопрос немаловажен для определения

⁵⁶ См.: Булдаков В.П. Красная смута...; Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. (Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ). М., 2010.

хронологических рамок конфликта, хотя его активными участниками были и те, кто отвергал применение термина «гражданская война»⁵⁷.

Подобную постановку вопроса нельзя назвать новой. Ещё советский историк В.Д. Поликарпов, взяв за основу разнообразные высказывания В.И. Ленина, обосновал тезис о том, что Гражданская война фактически началась осенью 1917 г., а её «прологом» стали события октября 1917 — февраля 1918 гг. (очень смелый для того времени вывод)⁵⁸.

Подходящая цитата Ленина в советское время была важным, даже решающим аргументом в дискуссиях историков, однако лидер партии большевиков в различные годы по-разному описывал Гражданскую войну. Поэтому и историки различных взглядов легко могли найти в «Полном собрании сочинений В.И. Ленина» подтверждавшие их позицию разнообразные цитаты вождя.

Важно реконструировать политическое сознание многочисленных участников событий — типичные, повторяющиеся суждения «рядовых» современников порой не менее интересны, чем политические выступления лидеров. Необходимо не только найти соответствующие цитаты, но и понять контекст надлежащего политического суждения. И для выработки языка исследования, и для понимания языка источников интерес представляют подходы, выработанные изучавшими историю понятий авторами применительно к другим революциям и гражданским войнам.

В исследовании Р. Козеллека и его коллег отмечалось, что в XVIII в. слово «революция» стало легитимировать изменения, которые прежде либо были табуированы, либо ещё не входили в сферу человеческого опыта. Вскоре появились слова «революционный», а затем «революционер», «контрреволюция», «профессиональный революционер», «государственная революция». Термин «гражданская война» возник гораздо раньше, во времена Римской республики, под влиянием республиканской концепции гражданства (войны с рабами и союзниками не считались римлянами гражданскими), и, как и многие другие, складывался под воздействием политических конфликтов тех эпох, в которых они появлялись и получали новые значения. Иное понятие «революция» вбирало в себя традиционные теории гражданской войны. Использование и отрицание понятия «революция» приводили к появлению новых легитимирующих терминов, таких, например, как «освободительная война»⁵⁹. Разные авторы также указывали, что революции порождали гражданские войны, а те, в свою очередь, провоцировали революционные преобразования. Высказывалось мнение, что любая «великая» революция уже является гражданской войной. С последним утверждением можно спорить, но в истории многие революции сопровождались гражданскими войнами разного масштаба, а любая революция таит в себе риск гражданской войны.

При выработке рабочих понятий «революция» и «гражданская война» полезно использовать подход М. Вебера. В работе, написанной в 1918 г. под

⁵⁷ Попытку изучения разных значений терминов, описывающих конфликты той эпохи, предпринял М.Е. Разинков: *Разинков М.Е. Война интерпретаций: «концепция гражданской войны» в российском политическом сознании 1917—1922 гг.* // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3—15.

⁵⁸ *Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918).* М., 1976.

⁵⁹ См.: *Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg)* // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. В 2 т. / Пер. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. Т. 1. М., 2014. С. 520—728.

воздействием революционных потрясений того времени, учёный цитировал Л.Д. Троцкого: «Всякое государство основано на насилии». Вебер описывал государство как сообщество, успешно претендовавшее «на монополию легитимного физического насилия»: «Единственным источником “права” на насилие считается государство»⁶⁰. Многие историки согласятся с тем, что вопрос о государственной власти является центральным при исследовании революций и гражданских войн.

Если использовать формулировки Вебера, то революцию можно определить как особую политическую ситуацию, в которой государственная «монополия легитимного физического насилия» постоянно подвергается агрессивным вызовам. Процессы де- и ремонополизации права на насилие сопровождаются и соответствующими процессами де- и легитимации этого права. Применительно к революции и гражданской войне важнейшим является вопрос о легитимации насилия. Соответственно, историки должны изучать политические тактики и культурные формы легитимации, что становится дополнительным аргументом в пользу изучения языка кризисных эпох.

Вебер выделил три базовых основания легитимности (в реальности ни одно из них не существует в чистом виде): традиции («вечно вчерашнего»), незаурядный личный дар вождя (харизма); легальное установление (рационально обоснованная законность)⁶¹. Различные революции по-разному определяли отношение к традиции. Вожди «великого мятежа» в Англии XVII в. оформляли свои политические идеи с помощью языка религии и говорили о возвращении к «прерванной», «извращённой» традиции, которую следовало возродить, устранив позднейшие нарушения. Это проявилось и в раннем значении слова «революция», взятого из языка астрономии и астрологии: возвращение к «изначальному» состоянию⁶². Другим революциям была присуща установка на абсолютную новизну: декларировалось создание совершенно «нового мира», отличного от «старого порядка». В Российской революции доминировала тенденция, требовавшая радикального разрыва с эпохой «старого режима», решительное преодоление прошлого стало ресурсом легитимации для революционеров, в том числе для большевиков.

В условиях революций авторитет рационально обоснованной законности подвергается вызовам: под вопрос ставится монополия государства на правотворчество и применение права, могут возникнуть несколько конкурирующих правовых систем. Это было присуще и Российской революции: Временное правительство, Петроградский Совет, украинская Центральная рада и другие властные структуры создавали собственные правовые пространства, а различные общественные организации поддерживали и инициировали «народное правотворчество» снизу и таким образом обосновывали свою легитимность⁶³. В ходе Гражданской войны число центров правотворчества значительно возросло.

Если использовать приведённое выше определение революции, то понимание гражданской войны довольно близко. Последняя также связана с тем,

⁶⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645—646.

⁶¹ Там же. С. 646.

⁶² Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война... С. 520—728.

⁶³ См.: Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1965.

что центральная государственная власть либо прекращает своё существование, либо теряет монополию на законодательную деятельность и правоприменение на собственной территории или её части, теряет государство и монополию на насилие. Противоборствующие стороны с переменным успехом пытаются установить эту монополию вооружённым путём на «своей» территории. Это может быть либо вся земля, которую контролировало ранее государство, либо её часть. В последнем случае гражданская война является войной на отделение.

При таком подходе и принятии данного определения как рабочего российской Гражданскую войну можно считать комплексом войн, в которых каждая из множества сторон пыталась вооружённым путём реализовать свой план реорганизации постимперского пространства, меняя характер государства и/или его границы. И до прихода к власти большевиков выдвигались различные, противостоявшие друг другу проекты автономизации и федерализации, что, однако, не означало неизбежности «большой» гражданской войны, хотя и готовило для неё условия. Прежде всего это происходило в тех случаях, когда национальные проекты вырабатывались в условиях этнических конфликтов и милитаризации национальных движений (создание национальных комитетов в армии и национализация войсковых частей и даже соединений внесли свой вклад в подготовку Гражданской войны — вряд ли «национализированные» войска могли способствовать воссозданию армии, необходимой для мировой войны, но они играли большую роль во внутренних конфликтах). Некоторые участники подобных войн, преследовавших задачи реализации национальных проектов, именовали все эти конфликты «национальными революциями», «освободительными войнами». Но в рамках предложенного рабочего определения они были частью того комплекса конфликтов, который можно назвать «большой гражданской войной», что близко к подходу Смита.

Для исследования же региональных историй Гражданской войны важны и военно-политические движения, которые не смогли создать своих государственных структур, не были значимыми акторами на всём постимперском пространстве. В очень многих случаях участники конфликта имели несколько противников, находившихся друг с другом в сложных отношениях. Этнические, религиозные, сословные, региональные и поколенческие конфликты — некоторые из них были заметны уже летом 1917 г. — существенно влияли на расстановку сил в разных регионах. На эти переплетававшиеся конфликты накладывались и малые войны, обеспечивавшие ведение крупных: реквизиции продовольствия, мобилизации людей и лошадей сопровождалась порой вооружённой борьбой⁶⁴.

Способность же основных участников Гражданской войны вести одновременно несколько войн разного типа, вступая в непродолжительные союзы с некоторыми бывшими противниками, порой интегрируя их в свои силы, изолируя других врагов, используя противоречия между ними, становилась важным условием успешной борьбы на уровне страны, крупных регионов и на местах.

Начало Гражданской войны? Начала гражданских войн?

Осмысление языка Гражданской войны требует специального исследования, но ясно, что немало современников ещё до прихода к власти большевиков полагали, что уже жили в условиях такой войны (так считали и люди, которые

⁶⁴ См.: Посадский А.В. Зелёное движение в гражданской войне в России: Крестьянский фронт между красными и белыми, 1918—1922 гг. М., 2018.

не были сторонниками Ленина). Это проявлялось на разных уровнях, о чём свидетельствует периодическая печать, дневники и частная переписка тех лет.

Не только большевики полагали, что вопрос о войне мировой и войне гражданской связаны, и что последняя — некий классовый конфликт. Так, в июне 1917 г. генерал А.Е. Снесарев говорил: «Класс встанет на класс, и если кончится мировая война, начнётся гражданская»⁶⁵. В этом суждении отражена особенность конфликтов той поры. Одни их участники ради окончания мировой войны были готовы пойти на гражданскую войну (или даже на несколько таких войн в воевавших странах), а другие — на риск локальной гражданской войны во имя продолжения мировой.

Ощущение начавшейся Гражданской войны летом 1917 г. иллюстрируют воспоминания современников. Например, один из военных врачей при отправлении в тыл, понимая, что и вдали от фронта его ждёт новая война, писал: «Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, чтобы умирать вместе со своей семьёй»⁶⁶.

Тревога усилилась в связи с «делом Корнилова». Штабс-капитан М.М. Филоненко, неудачно пытавшийся быть посредником между генералом и главой Временного правительства, 30 августа направил воинам Туземной дивизии, телеграмму: «Никакие мои уговоры, никакие убеждения мои не подействовали на генерала Корнилова, решившегося начать гражданскую войну и пролить Вашу кровь для восстановления старого строя»⁶⁷. Можно спорить о том, было ли «дело Корнилова» «малой» Гражданской войной, однако многие очевидцы событий, считали, что она уже началась, и именно генерал являлся её виновником. Схожие слова нашла и газета партии социалистов-революционеров: «Вспыхнувшая гражданская война имеет не только внутреннее, но и громадное международное значение»⁶⁸.

Проговаривание Гражданской войны являлось важной, но, разумеется, не самой главной её предпосылкой. После «дела Корнилова» различные посёлки, города, регионы империи всё больше дистанцировались от Временного правительства. По сути, в различных частях страны складывались разные политические режимы, которые с трудом сосуществовали в рамках одного государства. Вызов правительству А.Ф. Керенского бросали не только Советы и войсковые комитеты под руководством большевиков и их союзников, но также киевская Центральная рада и власти Великого княжества Финляндского. При этом и в лагере оппонентов, и в лагере противников Временного правительства отношения были порой весьма сложными. Так, описывая ситуацию в Финляндии, Е.Ю. Дубровская использовала термины «двойная радикализация» и «многомерная радикализация». «Наряду с... нарастающей напряжённостью российских военных и гражданского населения в Финляндии, — указала исследовательница, — происходило и их взаимное радикализирующее воздействие, которое усиливало напряжение внутри клубка политических и нравственных проблем»⁶⁹.

⁶⁵ Снесарев А.Е. Дневник: 1916—1917. М., 2014. С. 481.

⁶⁶ Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача. М., 2014. С. 352.

⁶⁷ Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках (Август 1917 г. — июль 1918 г.). В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 172; В.С. Контр-революция и союзническая пресса // Дело народа. 1917. 30 августа.

⁶⁸ Цит. по: Дело народа. 1917. 30 августа.

⁶⁹ Дубровская Е.Ю. Многомерная радикализация: Российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск, 2016. С. 6—7. См. также: Рупасов А.И. 22

Эта «многомерная радикализация» разными образами выводила Великое княжество из-под власти Временного правительства, кроме того, она, усиливая стремление финнов к независимости, создавала условия для гражданской войны в Финляндии. И в других случаях сложное переплетение социальных и национальных конфликтов, усиливавшихся недостатком продовольствия, приводило к обострению политического положения, делало затруднительным мирный исход кризиса⁷⁰. Затормозить эти процессы было очень сложно.

Как отметил британский исследователь С. Смит, Временное правительство потеряло власть ещё до того момента, как его свергли. Он полагал, что Гражданская война неизбежно нарастала со времени «мятежа Корнилова», и этот процесс значительно усилился после того, что многие авторы именуют «незаконным захватом власти большевиками»⁷¹.

Смит тоже придавал большое значение «делу Корнилова» в подготовке гражданского противостояния, именуя период с августа 1917 г. по январь 1918 г. временем «необъявленной» Гражданской войны, а само «дело» — «прелюдией к гражданским войнам»⁷². Пожалуй, с того момента война действительно стала необратимой, хотя расстановка сил в этом конфликте могла оказаться иной.

В своё время Булдаков отрицательно охарактеризовал стремление некоторых исследователей уделять особое внимание проявлениям Гражданской войны в сентябре—октябре 1917 г.: «Отголоском стремления снять “вину” с большевиков являются дискуссии, в ходе которых отдельные авторы вкрадчиво пытались передвинуть начало гражданской войны уже в дооктябрьский период»⁷³.

Вряд ли какой-либо историк может успешно выступать в качестве «адвоката» большевиков: и Ленин, и многие члены партии, и её беспартийные сторонники только Гражданскую войну считали выходом в сложившейся ситуации и порой говорили об этом совершенно откровенно и публично. Но одного только желания большевистской партии начать эту войну было недостаточно, даже при том, что она умело использовала энергию разнообразных социальных конфликтов. У различных переплетавшихся гражданских войн и иных вооружённых конфликтов существовали свои причины. Исследования Булдакова, внёсшего вклад в изучение этих процессов, показали разнообразные источники политического насилия в эпоху революции. Исследователь также продемонстрировал роль этнических конфликтов и тактик реализации национальных проектов в создании условий для начала Гражданской войны⁷⁴. Опора на национализировавшихся солдат и национальных активистов в армии, курс на создание национальных вооружённых формирований на фоне углублявшихся конфликтов, в том числе этнических, существенно обостряли ситуацию осенью 1917 г. Разные гражданские войны и иные вооружённые конфликты возникали в различное время, истоки некоторых из них прослеживались летом и особенно осенью того же года. Нельзя не вспомнить столкновения в Туркестане и на

Гражданская война в Финляндии // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3(19). С. 171—186.

⁷⁰ О переплетении конфликтов в Баку см.: *Suny R.G. The Baku Commune, 1917—1918: Class and Nationality in the Russian Revolution*. Princeton, 1972.

⁷¹ *Smith S.A. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017. P. 151, 154.

⁷² *Smele J.D. The «Russian» Civil Wars...* P. 25—27, 34—35.

⁷³ *Булдаков В.П. Красная смута...* С. 252.

⁷⁴ См.: *Булдаков В.П. Хаос и этнос...*

Северном Кавказе, во время которых противостоявшие стороны порой использовали артиллерию.

Образ «красной смуты», использовавшийся Булдаковым и некоторыми другими историками, не очень точно отражает суть противоборств на постимперском пространстве. У этой смуты было много цветов и оттенков, достаточно вспомнить те случаи, когда одни красные воевали с другими красными (крестьянские, красноармейские восстания). Описание же Гражданской войны как единого процесса неизбежно упрощает этот конфликт, приобретающий именно в связи с его сложностью и многослойностью новое значение в XXI в.